

Е. И. Макаров¹**РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН**

Общим местом стала констатация эффекта «сжатия времени», характерного для начала XXI века, который описывают как нарастание скорости перемен, происходящих в современном мире. В данном контексте рассматривается необходимость ускоренного реагирования на перемены как со стороны отдельных людей, так и сообществ, включая государства в целом. Описываемый эффект, на мой взгляд, в значительной степени связан не столько с частотой и скоростью перемен, сколько со скоростью распространения и доступностью информации о них. Вместе с тем отрицать ускорение процессов в политике, экономике и социальной жизни непродуктивно. Приведем примеры: в экономике применяются алгоритмические торги и биржевые роботы, способные в тысячи раз ускорить покупку/продажу акций; в информатике распределенные системы позволяют мгновенно обрабатывать большие объемы информации; в производстве для потребительского рынка возможна переналадка всей производственной цепочки (включая сборочный конвейер современных

автомобилей) за несколько месяцев, что подтверждают очевидность упомянутого эффекта.

В силу глобального характера происходящих процессов, обусловленного комплексом средств и каналов коммуникации, данный эффект имеет значение для любого российского региона, муниципалитета и даже отдельного работника. Профсоюзы, как известно, — экономическая организация и, безусловно, в полной мере вовлечены в происходящее.

Рассмотрим обстоятельства, повлиявшие на уровень конфликтности в сфере социально-трудовых отношений в России в 2012 году и четырьмя годами позднее. Данные о причинах возникающих в производственных отношениях конфликтов накапливаются в Научно-мониторинговом центре «Социально-трудовые конфликты», созданном в 2012 году в СПбГУП по инициативе ФНПР. Ежегодный анализ причин конфликтов между работниками и работодателями позволяет увидеть не только внешнюю сторону происходящего, но и качественные и количественные взаимосвязи между конфликтностью в сфере труда и экономическими решениями, принимаемыми на разных уровнях управления. Сравнительный анализ причин конфликтов в 2012 и 2016 годах показал, что экономические санкции, которые были введены рядом зарубежных «партнеров», касающиеся банковского сектора и нацеленные на ограничение доступа на рынки финансового капитала, привели к заметному осложнению ситуации на предприятиях. Сначала крупные, а спустя год и средние предприятия стали испытывать недостаток

¹ Заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России (с 2012 г.), научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП. Председатель Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области (1991–2000). Заместитель (2000–2004), помощник (2004–2012) полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе. Автор ряда публикаций по профсоюзной проблематике, тематике социально-трудовых отношений и конфликтов, в т. ч.: «Трудовые отношения и профессиональные союзы», «Трудовые конфликты. История, теория, методы мониторинга» и др. Действительный государственный советник 2-го класса. Почетный профессор СПбГУП.

в оборотных средствах, в том числе на выплату заработной платы, что повлекло за собой рост протестов и конфликтов. Анализ комплекса причин и количественных данных о конфликтах и их участниках позволяет утверждать, что российская экономика тесно интегрирована в мировую. Причем зависимость распространяется не только на сектора экономики, которые относятся к сырьевым или металлургическим, непосредственно зависящим от колебаний мировых цен на их продукцию, но и на технологически более продвинутые отрасли, не исключая и бюджетную сферу, где мы также наблюдаем периодические проблемы в сфере социально-трудовых отношений.

Давая характеристику связям между причинами социально-трудовых конфликтов и экономическими решениями, я не случайно употребил термин «разные уровни управления». За годы экономических реформ в нашей стране произошли перемены, которые в текущей ситуации кажутся нежелательными. Вряд ли мы желали внешнего (пусть и условного, но вполне чувствительного) управления в целом ряде отраслей промышленности, определяемого наличием или отсутствием дешевых кредитов на обеспечение операционной деятельности наших предприятий. Говоря политическим языком, за годы перемен мы поступились частью своего экономического суверенитета в обмен на более дешевые денежные ресурсы и сегодня пожинаем плоды экономической интеграции с Западом.

Сложно в докладе описать социально-трудовые и связанные с ними экономические отношения, сложившиеся в нашей стране, в контексте глобальных вызовов, но некоторые важные элементы следует назвать, в частности попытаться оценить реализацию важнейших внутривнутриполитических и экономических проектов, которые были заявлены президентом нашей страны в 2012 году в известных «майских указах». Среди более десятка нормативных актов профсоюзы особо выделяют указы «О долгосрочной государственной экономической политике» и «О мерах по реализации государственной социальной политики». Задачи, поставленные в этих распорядительных документах, довольно амбициозны, в условиях 2012 года их было сложно реализовать, так же как и сейчас.

Необходимо пунктирно обозначить связь между темой XVII Лихачевских чтений «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего» и приводимыми мной «цитатами реальности». Российские профсоюзы считают, что участие нашей страны в глобальных процессах не сводится к геополитическим абстракциям и отвлеченным футурологическим прогнозам. Будущее формируется здесь и сейчас. Для нашей страны оно создается, как и весь окружающий нас материальный мир, руками рабочих и служащих, с опорой на знания, умения и навыки 73 млн трудоспособных российских граждан, в первую очередь 21 млн членов профсоюзов, объединенных ФНПР. Именно через призму данных фактов мы рассматриваем ход выполнения задачи по созданию и модернизации 25 млн высокопроизводительных рабочих мест к 2020 году, по повышению производительности труда в 1,5 раза по сравнению с 2011 годом и достижению других це-

лей, сформулированных в условиях более спокойной и прогнозируемой ситуации, чем та, в которой мы живем сейчас.

Обозревая изменения, произошедшие за пять лет, необходимо оценить и внешние, и внутренние факторы, способные ускорить или затормозить развитие и скорректировать картину будущего, контуры которой намечены в этих указах. Внешняя ситуация изменилась радикально. Не вдаваясь в подробности, отмечу лишь, что прямо влияет на социально-экономическую ситуацию в нашей стране и отражается на социально-трудовых отношениях. Прежде всего политика неоглобализма, провозглашенная администрацией Рейгана, когда США посчитали весь мир зоной своих жизненных интересов, исчерпала себя. Однополярный мир уже невозможен, материальные, человеческие, интеллектуальные ресурсы медленно и болезненно перераспределяются. Дальнейшее экономическое развитие не будет определяться в одном или двух центрах, роль лидера мировой экономики готовы примерить на себя Китай и Индия. Устойчивость мировых валют не гарантируется их экономическим содержанием, а стала вопросом доверия. Несмотря на экономические и внутривнутриполитические трудности, с которыми сталкиваются некоторые страны БРИКС (составляющие одну треть мирового ВВП и 42 % населения земного шара), процесс формирования нового центра влияния продолжается. Все больше стран, в том числе в Европе, задумываются о проблемах, которые вызвала глобализация по либеральным лекалам. Переосмысливается роль национальных государств, анализируется оставшийся у национальных правительств суверенитет и выносятся решения, которые трудно назвать продолжением политики глобализации. Наконец, новая администрация США демонстрирует всему миру крутой вираж в сторону восстановления внутреннего рынка труда, стремится вернуть инвестиции на территорию своей страны, порвать глобальные цепочки поставок продукции, не отвечающие целям развития США как государства. Эти процессы пока не имеют однозначной оценки, но очевидно, что их вектор продиктован не теориями наподобие «конца истории» или «управляемого хаоса», а прагматичным стремлением вернуть суверенным правительствам рычаги управления собственными ресурсами, снизить влияние непредсказуемых внешних факторов, заменить абстрактные общечеловеческие ценности на ценности избирателей, прежде всего трудящихся, доверивших политикам свою судьбу.

В сложившихся условиях приходится с сожалением констатировать недостатки нашей системы управления. Система государственного и муниципального управления с начала 2000-х годов пребывает в состоянии анабиоза. До сих пор не проанализирована результативность реформы местного самоуправления 2003–2009 годов. Выявленные в ходе ее реализации трудности не косметические, а носят концептуальный характер. В частности, остаются нерешенными вопросы о децентрализации управления, вошедший в противоречие с тенденцией к централизации при принятии главных решений; вопрос самоуправления в крупных городах и городских агломерациях; проблема ресурс-

ного обеспечения муниципальных полномочий, соответственно баланс в распределении властных полномочий остается неясным. Список проблем недореформированного местного самоуправления, препятствующих реализации задач на близком к населению уровне, можно продолжить. Это крайне важная тема для профсоюзов (причем не только в бюджетном секторе). Местные рынки труда, поддержка малых и средних предприятий, вывод из тени нелегальной занятости, прекращение практики выплаты «серых зарплат» — все это и многое другое, включая своевременную профилактику трудовых конфликтов, немыслимо без полноценного местного самоуправления.

Не лучшим образом обстоят дела и в сфере федеративных отношений как по линии «центр–регионы», так и по горизонтальным направлениям. Невозможно смириться с тем, что стране из 85 регионов только 14 являются донорами, остальные 71 требуют дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности. Для профсоюзов вопрос об уровне финансовой состоятельности регионов включает гораздо больше пунктов, чем зарплата в бюджетных учреждениях местного и федерального уровней. Это еще и возможность устанавливать экономически обоснованные социальные нормативы, например уровень минимальной оплаты труда, и много других вопросов социального партнерства.

В связи с экономической политикой, особенно с той ее частью, которая относится к сфере труда, вернемся к указу президента, которым предусматривается создание и модернизация 25 млн рабочих мест к 2020 году. Важнейшим вопросом в решении этой задачи является определение источников ресурсов, прежде всего материальных. По подсчетам экспертов, представляющих организации работодателей, для модернизации одного рабочего места требуется около 100 тыс. долларов, для создания высокопроизводительного рабочего места — от 170 до 200 тыс. долларов. Итого — около 3,5 трлн долларов США (210 трлн рублей) за 8 лет, или 26,5 трлн рублей в год. Если учесть, что, по данным Минфина РФ, вся расходная часть консолидированного бюджета РФ в 2016 году составила 31 трлн рублей, из которых лишь 4 трлн направлены на реализацию п. 2.4 «Национальная экономика», то масштабы денежных средств, необходимых для решения этой задачи, в десятки (если не в сотни) раз превышают возможности. Надежды на кредитные средства иллюзорны, так как создаваемые рабочие места смогут окупиться (в зависимости от отрасли) в срок от одного года до пяти лет. При существующих банковских ставках такие заимствования для реального сектора экономики вряд ли возможны, а о собственных средствах предприятий на развитие говорить не приходится.

Решая поставленную задачу, нельзя говорить лишь о финансах. В указе речь идет о рабочих местах, обеспечивающих высокую производительность труда, что подразумевает наличие научно-технологического задела. Можно полагать, что подразумевается производительность труда не ниже средневропейской на период по крайней мере до 2020 года. В противном случае создаваемые рабочие места устареют в ходе реализации поставленной задачи. С этим пунктом связан

другой дискутируемый в последние годы вопрос, выделенный в отдельный пункт упомянутого указа, — повышение производительности труда в 1,5 раза к 2018 году. Необходимо пояснить, что производительность труда в странах *Организации экономического сотрудничества и развития* (ОЭСР), в состав которой входят 34 государства с развитыми демократическими институтами и рыночной экономикой, по итогам 2015 года (измерение производится в стоимостном выражении GDP/ВВП, производимого за один час работы) составляла 46,8 доллара в час, в то время как российский показатель равен 23,2 доллара в час. Если принять во внимание ретроспективу, то уровень производительности труда в сопоставимых величинах в Российской Федерации с 2011 по 2015 год практически не изменился, в то время как в странах ОЭСР он увеличился на 1,3 доллара ВВП в час. Если предположить, что за 2016–2017 годы производительность труда в РФ по каким-либо причинам возрастет, ее сопоставимая величина останется в два раза ниже уровня развитых стран.

Человеческие ресурсы — главное, что закладывается в понятие «производительность труда», так как работа, выполняемая машинами, измеряется на основе технического задания. Система массовой подготовки работников, отвечающая задаче повышения производительности труда, в России отсутствует более двадцати лет. Непрерывные эксперименты в сфере высшего образования и попытки возродить среднее профессиональное образование все еще продолжаются и приносят какие-то результаты в отдельных регионах и отраслях. Однако в масштабах, необходимых для заполнения высокопроизводительных рабочих мест, эта система не в состоянии предоставить человеческие ресурсы.

Несколько слов о технологическом отставании. Можно лишь догадываться о сохранившихся со времен СССР научно-технологических заделах, реализация которых позволит изменить текущее положение дел, однако до настоящего времени их обнаружить не удалось.

Не вдаваясь в анализ факторов, влияющих на производительность труда, следует заметить, что главенствующими остаются материально-технические, связанные с техническим уровнем производства, совершенствованием технологий, техники, применяемыми материалами, и лишь во вторую очередь — организационные, характеризующие организацию труда, производства и управления. Наименее затратной, но по-прежнему весомой является третья группа — социально-экономические факторы, относящиеся к качеству работников, их мотивированности и удовлетворенности трудом. Наука о труде располагает эти группы факторов в вышеприведенной последовательности, опираясь на расчеты, показывающие удельный вес этих групп в повышении производительности труда. Таким образом, радикальное ее повышение, предусмотренное вышеупомянутым указом президента, возможно лишь при техническом и технологическом перевооружении, по существу, реиндустриализации на новой современной основе. Однако о такой государственной программе пока ничего не известно. Иными словами, задача

с тремя неизвестными: кто, за чей счет и какие рабочие места должен создать во исполнение указа президента, пока не решена.

В статье приводится лишь незначительная часть стоящих перед нами вызовов. В заключение отметим, что контуры будущего, если исходить из текущего положения, весьма неопределенны. Возникает много вопросов, на которые еще пять лет назад имелись ответы, а сегодня их нет. Перед нашим обществом, особенно перед работающей частью населения, все чаще встает вопрос экзистенциального характера — о цели деятельности и смысле существования. Кажется, что для дальнейшего продвижения нам не хватает более глубокой мотивации, основанной не на частных задачах и ответах, а на согласованном видении будущего. В «здании» идей, заложенных действующей политической элитой, кое-как достраиваемом в ходе текущего управления по принципу «решать задачи по мере их возникновения», не хватает несущих элементов, способных объединить интересы многонационального, социально неоднородного, территориально распределенного российского общества. Несмотря на неоднократные попытки включить внутренние ресурсы общества в результативное развитие, успех так и не был достигнут. Цели, которые ставятся даже наиболее авторитетными лидерами нашего общества, не достигаются из года в год. И дело здесь не в вине какого-либо министра или правительства в целом, а в идеях, которые до сих пор не могут консолидировать общество для достижения поставленных целей.

Недостающие стержневые конструкции должны восполнить безыдейность существования большинства населения страны на прочной основе исторического опыта предыдущих поколений. Этот опыт, к огорчению верующих, вряд ли тесно связан с религиозными чувствами. Он не лежит в плоскости свободы предпринимательства или личной экономики. Его корни — в особом чувстве справедливости, порожденном в годы войны и укоренившемся после ее окончания, в период строительства новой жизни; в состоянии победителей, сумевших одолеть врага, отстроить Отечество и покорить космос, создать ядерный щит и удержать страну от распада. Это неискоренимый патернализм, вера в силу и надежность государства, доверие к вождем и недоверие к политикам, судам и депутатам. Это одновременно и вера в собственные силы, способность рывком сделать то, что другим народам не дается го-

дами упорного труда, надежда на свои шесть соток (уж они-то спасут в лихую годину).

Желанные свободы в действительности оказались зависимы от количества денег. Многое из того, с чем хотели расстаться политики конца 1980-х, сохранилось и, видимо, не исчезнет еще как минимум на протяжении жизни двух поколений. Мы не сможем конкурировать с американцами, немцами или французами на равных, пока не признаемся сами себе, что имплантация западной модели меркантильного мещанства не удалась. Если в кампании по возвращению Крыма в состав России общественное согласие и поддержка были достигнуты за короткий промежуток времени, на патриотическом порыве, то в вопросе о справедливом распределении результатов труда или выгод от обладания неисчислимыми природными ресурсами в обществе такого согласия нет. Напротив, пропасть между теми, кто создает материальный мир своим трудом и талантом, и теми, кто пользуется результатами этого труда, все усугубляется. Сохранение олигархического устройства экономики, построенной на естественных и искусственных монополиях (пусть даже покрытых модным лаком инновационных проектов и сдобренных сладостью социальных программ), и в дальнейшем будет генерировать расширяющийся класс «работающих бедных» — это фундаментальное противоречие.

Выбор пути дальнейшего развития неизбежно обусловит необходимость строительства общества, построенного на справедливом отношении к рабочим и служащим, независимо от цвета их воротничков. Мы, все общество, должны заменить идеологию либеральных рыночных преобразований, сформированную явочным порядком, вне механизмов общественного согласия, на идеологию общества всеобщего достатка, на основе которого и возможно процветание. Инвестиции в человеческий капитал лишь тогда будут понятны населению страны, когда труд станет источником достойной жизни, когда будущее начнет определяться в ходе реальных демократических процедур, когда образование, здравоохранение и пенсионная система станут эффективными, будут служить сохранению и развитию населения и перестанут быть цирковой ареной для показа фокусов.

Идеологический разворот возможен и необходим, именно он наметит контуры будущего, которые придется определять уже в следующем году в ходе выборов президента России.